В. Ханан

КРУГИ НА ПОЧВЕ КУЛЬТУРЫ

В декабре 1985 года в Клубе-81 был прочитан, а в майско-июньском номере "Часов" /№ 61/ напечатан доклад А.Кобака и Б.Останина "МОЛНИЯ и РАДУГА: ПУТИ КУЛЬТУРЫ 60-80-х ГОДОВ".

Доклад и, главным образом, развернувшаяся вокруг него дискуссия побудили меня высказать некоторые соображения.

Довольно высокий уровень доклада никем, по-моему, под сомнение не ставился. Несоответствие "замаха" и воплощения, о котором говорил Б.Иоссель /"Часы" № 62/ не столь большое, и к тому же естественное, ибо тема для одного доклада просто неподъемна. Авторы, по-видимому, и не ставили перед собой задачу охватить - всё. Мне доклад кажется, в целом, удачным. Подтверждает это и дискуссия, разгоревшаяся, главным образом, не по положениям доклада, а по темам, в нем затронутым.

Если воспользоваться предложенной нам оппозицией - годы 60-е - 80-е - то я в этом контексте принадлежу, очевидно, к поколению 60-х /хотя ощущаю себя, как ни странно, человеком, скорее 50х годов/. "Молниеносные" 60-е с их общественной эйфорией не затронули серьезно моего сознания - в силу, полагаю, его политичности - "греха", к избавлению от которого так настойчиво призывает Б.Иванов. Люди, питавшие в 60-х годах надежду "на то, что мы, наше поколение, перевернем мир" /С.Магид, "Часы" № 62/, а в 70-е годы потерпевшие крушение этой надежды, вызывают у меня, как правило, личную симпатию, но назвать их сознание политичным я не могу. В лучшем случае это сознание поверхностно политичное, а, если точнее, попросту неполитичное.

Многие участники дискуссии говорили о том, что о 80-х годах, а, стало быть, и о сопоставлении их с 60-ми говорить рано. Это настолько очевидно, что не приходится спорить. Разумеется, ретроспективный взгляд увидит большее, но какие-то тенденции 80-х /а о них, главным образом, и шла речь в докладе/ видны уже сегодня, да и несомненна определенная ценность выводов и заключений, так сказать, "по горячим следам". Бесспорным достоинством доклада является, говоря словами Б.Иванова, "пластичность, неагрессивность" в постановке вопросов, то, что доклад "располагает к расширению..." нас не поучают, нам предлагают вместе подумать.

Я бы хотел указать на одну важную частность. По-видимому, находясь в плену у своей эмблематики, авторы доклада называют преобладающее сознание 60-х - индивидуалистическим /молния/, а сознание 80-х СОБОРНЫМ /радуга/. Здесь, как мне кажется, вывод притянут за уши для лучшего соответствия предложенной авторами конструкции. Пусть непонятно где высмотренная соборность сознания 80-х останется на совести Кобака и Останина, но, по-моему, прав С.Магид, утверждавший, что сознание 60-х - принципиально коллективистское, а 80-х - индивидуали-

стическое /хотя бы в своей основе/. Очевидность сего положения иллюстрировалась всеми решительно выступлениями. И, наконец, заключающий доклад пассаж как-то контрастирует со всей его тканью: таков впечатление, что авторы отдали дань некоей моде или решили сделать сильный акцент на религиозно-нравственном моменте, присутствие которого на всех страницах ощущалось, мягко говоря, не сильно.

Читая доклад, я не раз думал, что успех его был бы значительно больший, может быть, просто триумфальный, если бы он был прочитан где-нибудь в обществе "Знание" перед аудиторией, состоящей из научно-технической интеллигенции, так сказать, из "слявок" НТР. Тот пафос об-х, которым, к моему некоторому раздражению, был проникнут доклад, был бы, я думаю, встречен "на ура". Здесь аудитория оказалась несколько "не та" по к аудитории я еще вернусь ниже...

Итак: пути к у л ь т у р ы... И вот здесь-то и проявился основной момент преждевременности самой постановки вопроса. Из выступлений участников выяснилось, что, говоря слово "культура", каждый вкладывает в него свой, отличный от других, смысл. Можно сказать, что мы настолько научились говорить, что за словами часто теряем суть. Слово "культура" истрепано до предела, и сегодня приемлем контекст, в котором можно говорить о "культуре бескультурья", как мы говорим, например, о "культуре пшеницы" или "культуре бактерий". Я хочу сказать о том, что, обсуждая вопросы культуры – в той или иной сумме значений – мы должны иметь вполне определенные критерии, позволяющие нам определить, что есть культура /в данном случае – в смысле, предложенном докладчиками/ и что не есть культура. Я не собираюсь сейчас разрабатывать стройную систему критериев, систему, решающую проблему, но хочу предложить один критерий, входящий в любую систему – критерий этический.

Культура, как я полагаю, есть утверждение иерархически выстроенного ряда ценностей, причем, варианты этого утверждения, естественно, многообразны. Я не нахожу более точного обозначения для этих ценностей чем обозначение религиозные. /Это, разумеется, не следует толковать примитивно, т.е. используя мысль Б.Иванова – религиозная идеология не должна диктовать тематику создания фактов культуры /Культура создается в процессе свободного творчества. Творец культуры свободен в изложении своих идей, мыслей, чувств и т.п. Цензура же – там, где она существует без кавычек – является естественным условием бытования культуры в системе государства в нашем несовершенном мире и несет функцию охранения христианских ценностей в христианском государстве /говоря о христианской ойкумене/. Охраняет или предполагает, что охраняет. Причем границы ее запретов подвижны и касаются, главным образом, общепринятой /в каждый исторический период/ морали.

Мы живем и пишем в ситуации принципиально иной. Наша официальная культура, если ее можно назвать этим именем, принципиально антирелигиозна. Те ценности, которые она без всякого успеха пытается найти, могут быть выражены только в узких рамках социальной, сиюминутной морали, оторванной от настоящей, религиозной нравственности. Официальная "культура" "живет" в рамках жесткого социального заказа, который по своей сущностной абсурдности даже не может быть сформулирован сколько-нибудь внятно. Мы живем в системе идеологии, которая – будучи логически разработанной и продолженной – антикультурна вообще.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, если в 60-е годы было дурным тоном /разумеется, в среде неофициалов/ хвалить официальную культуру, то сегодня стало дурным тоном ее ругать; всем еще памятен "экстремизм" таких людей, как А.Синявский, и то, куда он их привел. Теперь все стараются продемонстрировать некую объективность, а Б.Иванов даже призывает нас осознать свое сыновство по отношению к нашим литературным "отцам". Всё это выглядит очень симпатично, на первый взгляд, как бы даже по-христиански. Однако, христианством здесь и не пахнет. "Не судите..." означает – не судить человека, но обязательно судить поступок. В нашем, культурном контексте факты культуры и есть эти самые поступки. Нужно ясно представлять свои задачи официальной культуры, задачи, поставленные перед ней господствующей идеологией. Совместимы ли с ними наши задачи? Следует, я думаю, понимать, что официальные писатели, как бы примыкающие нас с официальной культурой, есть явление для официальной культуры случайное, обусловленное, в частности, неспособностью ее охранять свои границы. Мне кажутся неслучайными слова Б.Пазухина /"Часы" № 61/ о р о ж д е н и и /разрядка моя – Б.Л./ культуры на рубеже 50-х – 60-х годов. Это во многом верно. Не преемственность, не продолжение традиций предшественников, а именно рождение. Мы литературные сироты. Сегодняшний ССП – не наши отцы и даже не родовоспреемники. Это люди, которые охотно уничтожили бы плод еще в утробе, и не их вина, что этого не произошло. И если мы несем в себе какие-то их черты, – то это наследство такого рода, которое мы должны преодолеть – и от успеха этого преодоления зависит наша жизнеспособность в качестве творцов и носителей Культуры. В дискуссии много говорилось о том, что культура одна: нет официальной и неофициальной культур. Культура в настоящем смысле слова и в самом деле одна, и сегодня это – неофициальная культура. Говоря об официальной культуре следует говорить об её осевой линии, не отвлекаясь на неорганичные для нее, случайные в ней элементы. Эта культура есть антикультура, и сосуществование с ней на основе ее признания невозможно, не говоря уже о том, что и она, на мой взгляд, решительно не желает этого существования. Я глубоко убежден в том, что публикация сборника "Круг" не

является "жестом официального признания определенных произведений, определенных авторов", как это утверждает Б.Иванов. У меня складывается впечатление, что публикация "Круга" потеснила ряды не противников, а свои собственные - не зря же чуткий Б.Кривулин говорит, в более широком контексте, об отступлении и даже предательстве. С удовольствием привожу цитату: "На мой взгляд, мы не так обозначаем то, что происходит. О т с т у п л е н и е нужно называть своим именем. Никакая это не радуга, это отступление, предательство, которое мы совершаем, подспудно, медленно, а затем подводим к этому базу - иначе жить невозможно".

В общем, вопрос, по-моему, должен ставиться так: может ли писатель, ориентирующийся на христианские ценности, признавать литературу, принципиально эти ценности отвергающую? Откуда же эти всё более настойчиво проявляющиеся тенденции примиренчества, большей "объективности" и т.п.? Ответ, мне кажется, содержится в выступлениях Б.Иванова: "достигнув определенной степени самосознания, нельзя по-прежнему просто говорить об официальной и неофициальной культуре. Почему? Да потому, что и то, и другое так или иначе относится к н а ш е й культуре. Вот точка зрения, на которой трудно удержаться, но которая п р о д у к т и в н а". Я думаю, что острота зрения изменила обычно трезвомыслящему Б.Иванову. На этой - весьма устойчивой для многих - точке зрения отнюдь не трудно удержаться, но продуктивность, которой она, так сказать, чревата - есть продуктивность Е.Кузнецова, Т.Горбовой, Валентина Иванова, Д.Балашова и им подобных, а её верхний уровень - это Белов, Астафьев, Распутин, распространенных симпатий к которым я не разделяю.

Виктор Кривулин, кажется, единственный заметил опасность точки зрения, высказанной Б.Ивановым. Призывы не делить культуру на официальную и неофициальную, ставят, по сути, знак равенства между ними в этической плоскости, т.е. там, где и проходит водораздел. Утверждая, что "мы не должны быть носителями того, что само по себе зло заключает", Б.Иванов одновременно призывает к нравственно амбивалентному отношению к официальной культуре, которая есть продукт одиозного для него тоталитаризма. Тоталитарный режим не уживается с подлинной культурой. И главная его вина перед культурой не столько в том, что он провоцирует творческую нечестность у деятелей культуры /а это опасность для всех нас всё более очевидна/, сколько в том, что при тоталитарном режиме нечестные люди становятся деятелями культуры. Материалы съезда СП убедительно это продемонстрировали. Решения литературных проблем подменялись драками и спорами за кормушки.

Тот "крен в сторону технологизма", присущий, по словам В.Антонова, 60-м годам, весьма свойственен построениям Б.Иванова. Подчеркнуто объективное, можно сказать, подчеркнуто формальное изложение доклада оказалось более приемлемым для "технологизированного сознания" Б.Иванова, чем для поэта Кривулина. Мышление социальными категориями, способность к моделированию и описыванию ситуаций – есть вид мышления не хуже других – но в том только случае, когда в нем постоянно присутствует корреляция с этикой. Тем, что аудитория состояла, главным образом из литераторов, и объяснялось то падение уровня дискуссии, которую заметил Б.Иванов. Выступления В.Кривулина показали, выявили то, чего в докладе и дискуссии не хватало именно п о э т у Кривулину – нравственной оценки изменения общественной и культурной ситуации. Нравственная чуткость поэта отреагировала на дефицит, обнаруживший себя в докладе и дискуссии. Но у большинства участников тезис о нашей культуре возражений не вызвал. И это показательно. Показательно для русской общественной мысли вообще и для наших 80-х годов в частности.

Призывы к "объективности" по отношению к официальной культуре являются, на мой взгляд, не столько проявлением конформизма, свойственного какой-то части неофициальных писателей, сколько проявлением старой русской идеи почвенничества, получившей заметное распространение в наши дни. Недаром Б.Иванов, четко реагирующий на изменения общественного сознания, заговорил о "росте национального самосознания". Этот, не одним Ивановым подмеченный, момент кажется мне очень важным для прояснения того, что происходит вокруг нас и с нами. "Идея цельности – давнее заблуждение русского сознания", – говорит Кривулин, а я добавлю, что эта давняя б о л е з н ь русской интеллигенции, которая уже раз привела её к смертельному исходу. Интеллигенция умерла, а болезнь осталась.

Идея развития русского самосознания, очевидно, в силу особенностей национальной психологии всегда вливалась в идею национальной консолидации: национальное примирение, "отцовство-сыновство" и т.п. Во время Гражданской войны на стороне красных сражалось огромное количество русских офицеров и генералов, не принявших большевистской доктрины, но предпочевших сильную Россию – пусть даже руководимую большевиками – России, ослабленной потерей окраин, попавшей в зависимость от своих недавних союзников. Идея: вот мы соберемся все, объединимся – а потом уж будем решать наши общие вопросы. Это ещё Достоевский писал:"...для веры в Бога надо иметь ПОЧВУ под собою, почву нации, семьи, отечества", на что еще тогда возразил В.Розанов: "Для "веры" в какого Бога? В "Вообще" – конечно! А для христа? "Ныне уже не эллин, ни иудей, ни мужской пол, ни женский, ни обрезание, ни необрезание, но все и всяческая и во всех Христос". Христианство ВНЕ-семейно, ВНЕ-отечественно, ВНЕ-социально, как Достоевский не разобрал всего этого!" Как видим, всё та же цикли-

вость проблем и их решений, русской мысли и русской истории, в которой с дурной бесконечностью всё возвращается на круги своя.

Я вовсе не уклоняюсь от темы: рассуждая о путях культуры, нельзя не обращать внимания на эту постоянную и оттого всё более серьезную опасность – подмену проблем культуры проблемами национальными. Как сказал К.Льюис: "С той минуты, как вы предались Богу, ваш интерес к религии кончился. "Когда культура – настоящая, она уже национальна. Если она не национальна – значит, её еще нет. Национальное самосознание растет ВМЕСТЕ с культурой, и упаси нас Бог от национального самосознания, опережающего национальную культуру! /Сейчас, на мой взгляд, наличествует некоторое соотвествие "травмообразно" развивающейся культуры "травмообразно" же развивающемуся национальному самосознанию. Термин Бахт у Б.Иванова. /Призывы к росту национального сознания в духе Д.С.Лихачева кажутся мне в лучшем случае бессмысленными, а в худшем – вредными. Выдвижение национальных критериев может только затормозить развитие настоящей культуры. национальный критерий в литературе непродуктивен. Для литературы создающейся, ищущей свои пути, в первую очередь важен критерий этический.

Доклад был прочитан перед аудиторией, состоящей в основном из неофициальных литераторов. Я думаю, не будет натяжкой сказать, что в обсуждении доклада участвовала либеральная интеллигенция. Доклад был встречен, в общем, благожелательно, почти без серьезных возражений. Я тоже прочитал доклад с удовольствием и почти без протеста. И только прочитав дискуссию, подумал /как это было у М.Йосселя о встрече через год: "Ба! как он изменился!.."/ – Ба! как это у нас ничего не меняется!.. Тот же, только еще меньший, чем сто лет назад, мирок русской интеллигенции. Та же, с небольшими отличиями от теперешней, ситуация. После относительного либерализма – консерватизм, после некоторого преобладания западничества – явный уклон в сторону почвенничества, всё та же душная атмосфера, всё те же мелочные интеллигентские проблемы... Покстати, прав Кривулин, писавший "о выпадении России из исторического процесса, о духоте, затхлости и провинциальности русской культуры, о бессобытийности и механической повторяемости событий..." /Цитирую по статье А.Бокина и Т.Чудиновской "Бумажный сатана" – "Часы" № 61/. И, к слову; рыцарям пера, которые дерзнут писать доклад о 60-х – 80-х годах XXI-го века, рекомендую название "МОЛНИЯ И РАДУГА. КРУГИ КУЛЬТУРЫ..."

Я уже несколько раз делал упор на этическом аспекте культуры. Здесь кое-что следует развить. На мой взгляд, культура и – уже – литература возникает на фоне относительно развитого религиозного сознания нации. Говоря грубо: эстетика вырастает из этики. Русская литература молода, и её развитие было развитием неорганичным. Эпоха Пушкина, с которой

практически начиналась наша новая литература, была полностью оторвана от литературы древнерусской. Эстетика нашей новой литературы не вырабатывалась в недрах нации в течение веков, она пришла к нам с Запада /и не только эстетика – состояльство, давшее позднее реакцию в виде славянофильства/.

Русская литература, по моему глубокому убеждению, развивалась интенсивно только в те периоды, когда окно в христианскую Европу было распахнуто или, по крайней мере, не заколочено. Эстика нашей литературы, даже у Достоевского, была несомненно западного происхождения. Преемственности в широком смысле в нашей литературе нет /что убедительно продемонстрировали годы сталинизма/. Е.Антонов справедливо говорил /"Часы" № 62/ о пиетете сегодняшних литераторов к "серебряному веку" и о необходимости его преодоления. Наш пиетет продиктован тем, что "серебряный век", люди "серебряного века", несомненно, дали вершины русского творчества XX века. Но нам надлежит понять, что мы оторваны от него почти так же, как поэты "золотого века" от древнерусской литературы. То, что питало деятелей культуры "серебряного века", нам не дано усвоить непосредственным образом. Русская литература прерывна. Она каждый раз начинает как бы с нуля /если не считать некоторых дурных доморощенных идей, которые переживают все наши застои и кризисы/. У нашей литературы есть, по-моему мнению, два пути: развиваться в периоды "открытых окон", используя мощную подпитку /позволь себе этот, известный большинству членов Клуба-61, термин/ Запада, что и будет происходить еще очень долгое время, и второй – "восстанавливать разорванный в свое время Россией Завет с Богом"[x]/Е.Пазухин, "Часы" № 61/. Речь идет о долгой – на века – выработке религиозного, христианского самосознания нации. И вот это – тот самый процесс, в котором могут принять участие все болеющие за судьбу русской культуры. Принять участие, в частности, о с о з н а н и е м д е й с т в и т е л ь н ы х п р о б л е м, стоящих перед нашей литературой.

Несть числа высказываниям об "учительности" русской литературы. "Славные традиции великой русской литературы" так истрепали, что не понять, о каких, собственно, традициях идет речь. Но есть среди них одна, которую действительно следует продолжить. Когда на смену людям с прыгающей походкой приходят люди с походкой более плавной, когда годы общественного подъёма сменяются годами реакции, всегда находились

---

[x] должен здесь, точности ради, заявить о своем несогласии с Е.Пазухиным. не о восстановлении должна, на мой взгляд, идти речь. Я бы написал с заключении Россией Завета с Богом, если бы мог понять, что это за Завет Бога со страной или даже с народом. Бог заключил один Завет с избранным им народом, но следующий, новый Завет, в другой своей ипостаси Он заключил не с народом и не со страной, а с каждым отдельным христианином. В словах Пазухина мне слышатся отголоски гибельной для России для её подлинной христианизации, идеи русского мессианства.

какие-нибудь Некрасовы и Салтыковы-Щедрины, выпирающие из общих рамок. Это очень хорошо понималось их современниками – и только наш ретроспективный взгляд довольно легко укладывает их /Некрасовых и Щедриных/ в эти рамки /вписываться в которые очень рекомендует писатель Лютинский/, не всегда отдавая свое отчет в том, что наши рамки, наше их понимание уже очень скорректировало жизнь и труды этих самых писателей. Фазиль Искандер где-то приводит восточную легенду о вопиющем в пустыне – рядом с оазисом. К этому "вопиющему" применяли и кнут и пряник и, наконец, оставили в покое, осознав, что вопиющий, обличающий недостатки и пороки, есть залог того, что в оазисе дела будут вестись по чести и справедливости. Я хочу сказать, что объективность объективностью, но настоящему писателю не помешает хорошая доза нравственного максимализма – особенно в наших условиях, условиях традиционного неразличения, что есть Добро и что есть Зло, о чём ещё 150 лет тому назад сказал в пустоту Чаадаев.

И ещё мне кажется, что "объективность" по отношению к официальной литературе маскирует нашу постоянную на неё оглядку. Она /официальная литература/ и впрямь выглядит иногда неплохо – в каких-то своих частностях. Но это принципиально не важно. У неё есть капитал, которого мы ещё не накопили. У неё было время, у неё были условия – но её время кончается. У нас – всё впереди. Но только тогда, когда мы предоставим ей умирать от её болезней – без нас. Нам нужно думать о будущем, о будущем русской культуры, о нашем месте в ней – и решать наши проблемы не с позиции национальной консолидации, но только и только с позиции религиозной нравственности, чёткого различения Добра и Зла, с осознанным выбором первого и неприятием второго. Проблема "восстановления Завета", проблема христианизации России, при всей своей огромности, есть всё-таки главная наша проблема – и из её главенства вытекает, так сказать, и технология решений всех наших остальных – культурных и литературных проблем.

Октябрь 1986 г.